

Анна НАУМОВА*с. Викулово,
Тюменская область*

НАЧАЛО

Родилась я в городе Петропавловске-Камчатском. Когда мне было около четырёх лет, моя мама Елена приехала «на материк» вместе со мной в деревню Базариху Тюменской области – погостить к своим родителям, пока папа Виктор будет в рейсе (он был моряк дальнего плавания, работал матросом на плавбазах). Эта деревенька – отдалённый уголок Западной Сибири: более четырёхсот километров от областного центра, край бездорожья и живописных увалов.

Базариха – настоящее «родовое гнездо» моей семьи. Родословная по материнской линии уходит корнями вглубь периода становления деревни, в XVIII век, когда на этом прокладывавшемся тогда участке Московско-Сибирского тракта заводились новые селения. Здесь сочетается всё: смешанные и хвойные леса, рямы и тайга, озёра и болота, согры и лавды, протекают длинные сибирские реки: Ишим, Ик, Барсук...

И вот я оказываюсь в этом краю, где нет океана и вулканов, карликовых берёзок и холодных северных ветров.

Добрались мы до места третьего сентября 1994 года авиарейсом «Петропавловск-Камчатский – Омск». Ожидалось, что отец мой, прийдя с вахты, придет за нами спустя несколько месяцев и мы бы втроём двинулись обратно на Камчатку. Но этого не

произошло. Сначала его рейс сдвинули с намеченных чисел. А 11 октября того же года – чуть больше чем через месяц от нашего прибытия – он трагически погиб в возрасте 39 лет, и мы с мамой остались в деревне на двенадцать лет, а в Сибири – навсегда.

Всё детство моё прошло в Базарихе. Оно было само по себе интересное, весёлое, «на природе», но со своими сложностями: неполная семья, постоянное отсутствие денег в постперестроечный период, мамины слёзы с утра до вечера, заброшенный край с тучей мошкеры и комарья – урман, как его и теперь зовут. Многие с годами позабылось, многое осталось в памяти. Но день нашего приезда в Базариху, с которого началась новая веха моей жизни, я помню, хотя мне четыре года исполнилось только в октябре.

Нас в тот сентябрьский день дружно встретили родственники – издали же мы прилетели, давно не виделись.

Для сибиряков, со стороны, это путешествие казалось нелёгким, но для живущих на полуострове – вполне рядовое: летать на малую родину и мамы, и отца – в Чувашию – нам приходилось часто.

Дорога до Базарихи была долгой и трудной: перелёт до Омска, из Омска на рейсовом автобусе ещё более трёхсот километров до места.

Со мной всю дорогу был мягкий игрушечный котё-

нок. Вместе с маленькой хозяйкой он разглядывал Россию сначала с высоты облаков в самолёте, а потом из окна рейсового автобуса.

Тётя Люда и дядя Саша (мамина старшая сестра и зять) тогда уже жили в Базарихе. Им тоже незадолго до нашего приезда пришлось навсегда вернуться из Казахстана – там как раз начали притеснять русскоязычное население. Они специально приехали в Омск из деревни, чтобы встретить нас, помогли с чемоданами, и мы поехали к бабушке на автобусе вместе.

...А в тихой деревне тем временем цвёл сентябрь. Именно цвёл. Потому что в этот период хотя уже и шло начало осени, но в уральских краях природа ещё дышит летом. Берёзы, со всех сторон обрамляющие селение, ещё стояли зелёные, только кое-где на них мелькали жёлтые проседи. В палисадниках в ту пору живы были все цветы: астры, георгины, бархатцы, гладиолусы, календула. В огороде пустовали только те грядки, где прежде росли лук и горох. Все остальные овощи продолжали зреть и ждать уборки.

Начало сентября выдалось тёплым, и от августа оно было не отличить. Вот с такого золотого времени года и началось моё базарихинское детство. Ну, это если не считать несознательный период, который я, в силу возраста, не помню – до 1994 года я здесь уже гостила с родителями.

По приезде дом моей бабушки Анны и дедушки Анатолия мне показался просто огромным после нашей однокомнатной камчатской квартиры. Да он и сейчас мне таким же кажется. Почти восемьдесят квадратов, зал, две спальни, кухня, сенки, кладовая, котелгарка, высоченное крыльцо с верандой... Этот дом считается добротным не только по деревенским меркам. А тогда он ещё и почти новый был – в 1985 году дедушка завершил его строительство. До этого они с бабушкой жили в маленьком пятистеннике с голубыми ставнями, рядом со строящимся домом. Его было видно из окна нового зала. Купили эту избушку они у местных жителей по возвращении в Базариху из села Осокино Омской области, в котором прожили пятнадцать лет. Вообще-то, в Базарихе они родились, выросли, создали семью и родили пятерых детей. Трудились себе на ферме в родной деревне, но дедова сестра Галя в начале семидесятых годов переманила их к себе в Осокино. «Там, – говорила она, – на птицефабрике и заработаете побольше, и своих дочерей выучите – школа на месте, не надо им будет в интернате жить, а вам – им каждую неделю котомки собирать». Но вот дети все выросли, выучились, разъехались, и старики наши вернулись в родные пенаты.

Эта «старая хата», которую они купили по возвра-

щении, уже завалилась на один бок, но была ещё жива. Со стороны казалось, будто она немного вросла в землю. После переезда в новый дом дед переоборудовал её под хозяйственные нужды и гараж: выломал пол, поставил туда свой красный трактор «Владимирец», который ласково называл «пу-колка» из-за его пыхтящего звука при заведении мотора. В период копки картофеля в одну из комнат этого гаража ссыпали выращенный урожай.

Этот старый дом-гараж бабушка недолюбливала. В нём в феврале 1984 года стало плохо её старшей сестре Валентине, которая приехала к ней в гости из Омска. Это теперь в таких случаях вызывают скорую помощь. А тогда нужно было просить машину у сельсовета – колхозную, чтобы довезти больную до ближайшей больницы. Выпросили машину, приехала, погрузили Валентину, повезли в больницу. Отъехали несколько метров от «старой хаты», стали подниматься на горку, машину тряхнуло, и Валентина тут же скончалась, не доехав до соседнего села. Для бабушки это было большое горе – потерять любимую сестру. Оттого и по жизни в этом домишке она не ностальгировала. Места там было мало, ещё и воспоминания негативные. Уже будучи глубокой старушкой, она настойчиво убеждала деда: надо «хату» и вовсе разобрать. «На что она?» – задавалась бабушка Анна вопросом вслух. И так как ответа на него не было, дед спустя ещё пару десятилетий понемногу всё-таки начал гараж свой опустошать и готовить к разбору.

Ну а в новом доме, на момент моего в нём появления, бабушка с дедушкой уже обжились. Пороги в нём были высоченными, и я постоянно об них запинаясь.

– А я говорила деду: на что такие высокие пороги делаешь? Хочешь, чтобы кто-нибудь ногу сломал? Да кого же он слушал-то, – приговаривала баба Анна, когда кто-нибудь в очередной раз спотыкался о порог. – Вот расшибёт себе кто-нибудь лоб...

Дедушка в ответ только фыркал. И тут я ещё добавлю, в тему особенностей этого нового дома, что двери из зала в кухню в нём «глядели» прямо на следующие двери из кухни в сенки. А те двери располагались наравне с дверями из сенок на крыльцо. Эти же, в свою очередь, были наравне с дверями, ведущими во двор. И того: четыре двери на одной линии! Такая правильная геометрия всегда казалась мне чудом строительной мысли дедушки Анатолия. И только нынче, в 2023 году, он проболтался. Специально, говорит, так сделал, чтобы, когда помрут они с бабушкой, удобно было гробы выносить. Сейчас ему 87 лет, а на момент строительства всего-то было 49. Бабушка была на год его старше. Молодые ещё! Но люди их поко-

ления – тридцатых годов рождения – рано начинали думать о смерти и готовились к ней...

Гроб с бабушкой в июне этого года так и несли: прямо из зала и через все эти двери. Петлять похоронной команде действительно не пришлось, как дед и рассчитывал сорок лет назад.

...Помню, как в первый день приезда, в 1994-м, села я в этом доме играть в привезённую с собой с Камчатки кукольную семью. Она состояла из мамы – куклы Барби, папы – Кена и сына-пупсика.

Расположилась я рядом с одним из таких высоких, выкрашенных порогов в первой спальне. В пороге была выдолблена небольшая дырка – специально для колки грецких орехов, и я это тут же заметила. А двоюродная сестра Таня, которая здесь же жила – ей было уже пять лет – стояла на другом таком пороге в бледно-розовом платье и поглядывала на меня и на моих кукол. У неё таких не было. Здесь, в деревне, не продавали ни Барби, ни Кенов, ни кукольные семьи. Только хлеб, масло растительное, уксус да шоколад «Дорожный» в красной обёртке. Зато у Тани было много советских кукол-пышек. Я позвала её играть со мной, но она так и не села.

Потом в тот тёплый сентябрьский день я вышла в сенки. Мне всё хотелось посмотреть, потрогать. Помнила, что в раннем детстве мама уже привозила меня сюда, совсем маленькую. Здесь мы жили больше года, пока мой отец был в очередном рейсе, плавая по Тихому океану. Я, можно сказать, выросла в этом большом бабушкином доме. А когда меня увезли обратно на Камчатку, скучала по деревне. Живя на Камчатке, я смотрела на вулканы и спрашивала маму:

– А вон за теми горами баба живёт?

– Это не горы, – отвечала она. – И нет, не за ними, а очень далеко.

Или, например, капризничала, когда мама меня кормила рыбными котлетами.

– Не хочу твоих белых котлет, хочу бабиных коричневых! – картавя, кричала я, привыкнув за время пребывания в Сибири к мясной пище. На Камчатке был дефицит мяса, основной рацион составляла рыба.

И вот наконец-то я снова здесь, у гостеприимной нашей бабушки: доброй, улыбчивой, но порой строгой и чересчур хлопотливой. Приехала есть коричневые котлеты и пить парное деревенское молоко из высокой кружки с оранжевым ободком. Стою у неё в сенках и радуюсь этому факту. Но ещё не знаю, что останусь здесь на долгие-долгие дни, месяцы, годы...

В этих сенях всё было выкрашено в голубой цвет, кругом чистота и порядок. Все вёдра-крынки на своих местах. Я бродила там сама по себе некоторое

время и заглядывала то из сенок в зал, то под лавки, которые были аккуратно завешаны самодельными «задержушками» – шторками на верёвках.

Тётя Люда сидела в зале на кресле и то и дело поворачивала голову назад, смотрела в сенки – узнать, чего я там делаю, звала к взрослым в компанию. На ней была красная юбка до пола с какими-то мелкими чёрными рисунками. Спустя лет семь из этой юбки она сошьёт себе сумку под домашний хлеб. С этой сумкой она будет ходить к нам в дом, который мы купим после смерти отца у пожилой пары Петра и Серафимы – через дорогу от бабушкиного. А приходиться она будет за этим хлебом каждый день. Печь его станет моя мама на три семьи в большой, настоящей русской печке с устьем и доставать из жаркого пекла самой настоящей старенькой, почерневшей от копоти деревянной лопатой...

Но это – потом. А пока – «Не шей мне, матушка, красный сарафан» – слышалось из зала протяжное, но красивое пение тёти Люды. Она всегда любила петь всякие такие народные, жалостливые песни: по поводу и без повода. Вот и здесь затянула русскую песню, видимо, одну из своих любимых.

А потом я, бабушка и Таня вышли на улицу. Таня немного приревновала бабушку Анну ко мне. До этого всё внимание взрослых доставалось ей, так как других детей в доме не было, а теперь появился ещё один ребёнок, вроде как соперник. Бабушка мне всё рассказывала и показывала, что где: там чушки, там коровки, вот тут Таньку козёл недавно боднул... Хозяйство они с дедом держали крепкое: по подворью ходили коровы, свиньи, овцы, козы, куры.

Мне всё было интересно. А потом бабушка повела меня в осенний огород. Там под рябинами, что росли возле «старой хаты», склонившимися под тяжестью ярко-оранжевых ягод, валялась пустая высокая консервная банка с цветной, яркой этикеткой. Таня в этот угол с нами не пошла: надулась и осталась стоять в ограде. После прогулки дома нам предложили поесть зелёного горошка, и я с удовольствием побежала за стол. Таня отказалась, из вредности или ревности, не знаю, но бабушка это подметила и, не придавая особого значения, подмигивая мне, с улыбкой сказала:

– Ну и не ешь, нам с Аней больше достанется.

Так началась моя жизнь в старинной глухой деревеньке...

КАК БЕЗ ТРУДА НА СВЕТЕ ЖИТЬ?

У бабушки моей Анны Дмитриевны была одна уникальная черта – трудолюбие. Не простое, обычное, а фанатичное какое-то, что сейчас редко где встретишь. Трудолюбие это было, я бы так сказала, чрезмерное. Делает она какое-нибудь рядовое дело, но с таким рвением, как будто от этого чья-то судьба решается. А дело это само по себе, может, и не стоит такого усердия. Но ей нужно было выполнять его именно так, с полной самоотдачей. Даже если никакой работы нет, она её непременно найдёт. И не только себе, а всем, кто рядом. Сильно не терпела она праздного времяпровождения.

Вот типичный случай. Осень, мама на работе, я дома. Пришла со школы, полёживаю на кровати с книжкой. Между прочим, тоже редкое явление в современной реальности, когда дети день и ночь проводят «в телефонах», сидят безвылазно и бесцельно в интернете, прожигая килобайты, за которые родители платят деньги.

– Анька, чего лежишь? – кричит бабуля мне с порога.

– Книжку читаю, – говорю ей.

– Лучше бы матери помогала.

– Я посуду помыла.

– Фи! Посуда. Вон на ковре противень, а в нём фасоль сушится, так обобрала бы.

– Она не созрела ещё.

– Есть и поспевшие там среди зелёных стручков, выбирать надо. А ну, живо вставай! Мать придёт, ей приятно будет.

И так всегда. Вижу из окошка – бабулька по тропинке к нам в ограду поднимается, в платочке ярком да кофточке своей вязаной зелёной. Значит, опять хочет мне разнарядку дать.

– Анька, что бельё на диване лежит?

– Постиранное, на гладку приготовлено.

– А почему тогда не поглаженное?

– Мама ещё не гладила потому что.

– Да ты сама погладь.

– Я не люблю гладить.

– Вот, я тоже не люблю. Больше всего не люблю утюгом орудовать. Лучше коров доить, свиной кормить, картошку копать – хоть что делать, только не бельё гладить. Но приходилось, и гладила на всю семью. И ты погладь, а то некрасиво – заходишь, а у вас диван тряпками завален.

И так можно продолжать до бесконечности. Что ни увидит бабушка Анна – плохо лежит – значит, нужно положить хорошо. Стоял в моей комнате стул со школьной одеждой. Был рядом и шифоньер, доверчу забитый. Но в нём лежали вещи «до востребования». А на стуле были развешаны самые ходовые.

– Анька! – не унималась бабушка, в очередной раз приходя к нам с миссией контролёра. – На что тебе столько ремков?

– Какие же это ремки? Это вещи мои, – отвечала я.

– Ну, вещи так вещи, а на кой столько-то? – злилась она. – Вот я в твои годы одно платье износила, и то из мешка сшитое.

– Ну я-то в этом не виновата же!

– Не виновата, знаю. Да ремки-то хоть свои свешай красиво! А то они у тебя висят как попало: один выше, другой ниже. Не смотрится!

«Гоняла» она таким же образом и дочерей своих. Благо трое из них жили рядом. Старшая Люда – в следующем доме, средняя Лена – через дорогу, а младшая Маша и вовсе с мамой и папой под одной крышей. А вот Света и Надя – в городе Калачинске.

– Ленка, – к моей матери обращается. – Ты пошто ленишься? По ведёрку она картошку из погреба достаёт. Белоручка, что ли? Это же ведро десятилитровое. А вон у тебя эмалированное стоит, пятнадцать литров. Да ты бери то, что больше.

– Надорвусь же я, – возражает Ленка.

– Ничё не будет. Я всегда так делала. И пятерых родила. А вы с Машкой – по одной, и думаете, молодцы? А так будешь работать – прокорячишься до вечера. Бери большое ведро, быстрее будет дело идти. Шевелиться надо!

Вот так и жили. Доканывало это бабушкино трудолюбие всех подряд. А она не унывала. Невзирая на преклонные годы, участвовала во всех крестьянских работах: от сбора урожая и заготовки дров до хлопот с сельскохозяйственными животными. До последнего ездила она на «пуколке» вместе с дедом сено метать, пока однажды из-за подскокившего давления чуть с высоченного шиша не упала. Было ей уж тогда под шестьдесят. Умерла старушка наша в свои восемьдесят восемь, но при памяти, хорошем зрении, со всеми зубами, при руках и ногах и ясном уме. Слегла от коварной вирусной простуды в мае, в июне ушла на тот свет. Но перед тем весь апрель неустанно бегала из дома во двор. То водой ледяной умывалась из бочки, то дрова порывалась складывать, то ещё что придумает.

Когда же в моей бабульке зародилось такое огромное желание трудиться, шевелиться, сложить руки не сидеть?

Думаю, привыкла она с детства вкалывать. Родилась в 1935 году в многодетной крестьянской семье. Рано осталась без отца. А там и война Великая Отечественная началась. Жили они настолько бедно, что у детей даже обуви не было. Зимой Анна в школу не ходила – ноги мёрзли. Старалась в зиму на улицу не выходить. А как услышит – собака лает, значит, мать с фермы идёт.

Выбежит босиком на мороз, чтобы мать встретить да с горки разок прокатиться.

Но вот не стало и матери – ушла из жизни после продолжительной болезни. Везла по осени Марина Кирилловна на телеге сено. Колесо попало в ухаб, застряло. Конь дёрнул – опрокинулась телега вместе с сеном и извозчиком. Упала Марина, сильно ударилась и рассекла губу. Не было тогда никаких антисептиков, и быстро пошло заражение. Болела она, болела, так никто ей и не смог помочь. Таскала Анна мать каждый день с печки на пол, с пола – опять на печку: сама-то она уже не могла передвигаться. Подтащит к окну: «Смотри, – говорит, – мама, солнышко светит, весна пришла!» А матери не до солнышка. В четырнадцать лет осталась Анна одна-одинёшенька. Брат Лёнька в армии служил. Сестра Валя после смерти матери в Омск пешком ушла и младшую сестру Машу с собой забрала – решила устраивать свою судьбу, жить и работать в городе. А Анна с ними не связалась, кто его знает, где лучше: в своей избе худо-бедно или в людях чужих?

Думала Анна, замёрзнет зимой: кто бы ей дров заготовил нужное количество? А хворостом не натопишь печь до согреву. Тут сельсовет выручил. «У тебя, – сказали, – изба большая, вот мы к тебе шерстобитку поставим. Люди будут приходиться, шерсть валять. Дров колхоз тебе привезёт. А твоя задача – печь топить, чтобы люди, когда работали, не мёрзли». Так сироте повезло немножко. За аренду помещения получала взамен долгожданное тепло. А заодно – упавшие клоки шерсти, которые оставались после посетителей. Она их заботливо поднимала и прибирала. Из них в скором времени скатала себе новые валенки.

Спустя годы вышла Анна замуж за деревенского паренька Тольку, из семьи прежних сибирских кулаков. Хотя дед говорит, из богатства у тех были только клопы да тараканы. Он давно скромную работающую сироту в невесты приметил. Родня только его недовольная была таким выбором. Что с сироты взять?

– Привёл меня дед твой в свою хату, – рассказывала мне бабушка вечерами одни и те же байки. – «Мамка, – говорит своей матери, – погляди: мы записались в сельсовете! Теперь мы муж и жена». А она как лежала на печке, так и лежит, даже головы не повернула. Ни тпру ни ну...

Но сирота в скором времени расположила к себе свекровь Елену Андреевну. А всё потому, что никакой работы не боялась: и траву косила, и сено метала, и деревья рубила на дрова, и пряла, и ткала. Натерпелась она в детстве страстей, нажилась в крайней бедности, находилась «по миру» в поисках милостыни. И твёрдо решила для

себя: создав свою семью, изо всех сил будет трудиться, только чтобы никогда в таком положении больше не быть. Ни самой, ни детям, ни внукам – никому. Такую, видимо, установку себе моя бабушка дала и следовала ей всю жизнь, заряжая своим боевым настроением остальных.

И ведь рассчитала правильно: благодаря их с мужем неустанному труду всё необходимое у дочек всегда было. И выросли они, крайней нужды не испытывали – заботливые родители всем помогали. И внукам давали всё, что могли, а по меркам восьмидесятых-девяностых – чуть ли не самое лучшее. «На неге росли вы с Таней», – каждый раз подчёркивала бабушка Анна, перетрясая время от времени наши с двоюродной сестрой детские распашонки и платица. И правнуки на всю жизнь запомнят бабушкины гостинцы: на все именины и праздники получали они от прародителей своих щедрые подарки в виде тысячных купюр. Пенсии-то бабушка моя и дед себе заработали достойные: в разы больше, чем заработная плата среднестатистического рабочего в нашем районе. И это справедливо – такая и должна быть награда за честный, добросовестный труд. Бабушка, ветеран труда сельского хозяйства, уже будучи в преклонных годах, всегда говорила мне:

– Вот, Анька, что теперь не жить? Ведь всё есть! Мы с дедом ни в чём не нуждаемся: вон, гляди, лежат у нас яблоки, апельсины, орехи, помидоры да огурцы свежие посреди зимы, а нам не хочется, наелись... Вот чего бы так раньше не жить, когда мы молодые были, жевали одну траву? А сейчас уж ничего нам не надо.

Да, позади остались неимоверные тяготы. Было ведь время, приходила мать-героиня Анна домой с фермы поздно, а ещё надо было со своим хозяйством управиться, девчонкам еды на утро приготовить. Так она и ложилась спать – не раздеваясь. Это, говорит, удобно было. Утром проснёшься – одеваться не надо, всё уже на тебе: колготки, платье, платок да рабочий плащ. Только ноги в сапоги резиновые сунуть – и можно бежать доить колхозных коров. Вставала она рано – в четыре утра. Часто потом недоумевала, как её пятеро детей разговаривать научились.

– Ухожу – они ещё спят, и прихожу – они уже спят, – вспоминала Анна Дмитриевна. – Думала, немые они у меня будут – а нет, научились как-то говорить – один от другого.

Когда быстрее получалось бабушке справиться с колхозной работой, спешила она в лес – то по грибы, то по ягоды. Одной только земляники набирала полные ведра и несла детям, а её ведь по ягодке сложно собирать, муторно. Хотела, чтобы они получили хоть какие-то витаминки. А ещё брала боярку,

смородину, клюкву в яму, кишасцем ужами. Однажды, собирая под Озерном боярку, к ней близко огромная рысь подошла с кисточками на ушах. Красивое животное, не слишком опасное, но встреча с ним может сильно перепугать. Кинула Анна ведро с ягодами и бросилась наутёк.

Когда случилось им с дедом переехать из Базари-хи в Осокино в 1971 году, и там они оказались в числе лучших работников на птицефабрике – были передовиками производства. При этом дома у Анны были чистота и порядок: кровати заправлены, подушки накрахмалены, полы выметены и вымыты, в сенях выкрашено, печь побелена.

Рассказывали и такой случай. Когда из деревни уезжали наши деды, перевозила их вместе со всем скарбом грузовая машина. Погрузили кормилицу корову. Да вздумалось бабушке её на полпути погнать. Выгнали бурёнку из грузовика, чтобы походила-размялась. Испугалась она и убежала. Пришлось искать. Долго плутали за ней по буреракам, но так и не нашли. Дальше двинулись в путь без коровы, а ведь как лучше хотели. Никогда не искала бабушка лёгких путей. И обратно в родную деревню возвращалась в пятьдесят лет, а это и молодому-то трудно – сменить место жительства. И стройку нового дома развела в эти же пятьдесят. Не хотела она жить «абы как», стремилась, чтобы всё «по уму».

Воспитанная в духе своего времени, ударница производства была твёрдо уверена: «Не может быть на свете счастья без труда», и внушала это всем: детям, внукам, правнукам. «Нынче всякий труд в почёте, где какой ни есть! Человеку по рабо-

те воздаётся честь!» – безуданно приговаривала она строки из своего любимого стихотворения Михаила Исаковского «На крыльце сидит старуха». То начнёт цитировать его, когда утят пасёт, то когда стрижёт овец – чтобы мы постоянно слышали и запоминали. Она хотела внушить нам, что тунеядство не приведёт к хорошей жизни. Насмотрелась она в своё время на пьяниц да лентяев и старалась как бы уберечь новое поколение от возможной нищеты и бардака. А для этого все средства хороши, в том числе личный пример. И именно это главное «оружие» она и использовала при каждом удобном случае, воспитывая наши души.

... С грустью обхожу я теперь бабушкины опустевшие владения. Просторный дом, который когда-то в праздники даже казался тесным от обилия в нём всего бабушкиного потомства, теперь ощущается неуместно большим. Вокруг – обжигающая тишина. Не мычат коровы в длинных денниках. Не пищат цыпленки в узеньком предбаннике. Не блеют овечки с цветными верёвочками на шеях. А поднятая моею бабушкой в далёком прошлом целина за деревней сквозь долгие годы забытья опять приняла прежний облик, обратно стала залежью. Хоть вновь вызывая бригаду, собирай комсомольцев-добровольцев, чтобы распахивали-раскорчёвывали землю-матушку. Только вряд ли уже кто-то с таким энтузиазмом за такое дело возьмётся, как Анна наша в свои молодые годы. И медалей не надо. Смотрю я на это мёртвое поле и думаю: «Да уж, бабушка, нет больше таких любительниц труда, как ты, не родились ещё...»

□

Анна Викторовна НАУМОВА

родилась в 1990 году в городе Петропавловске-Камчатском.

Образование высшее педагогическое.

Работает обозревателем в районной газете «Красная звезда».

Победитель межрегиональных конкурсов «Православие и СМИ»,

дважды призёр Всероссийского журналистского конкурса

«СМИротворец» (2020 и 2021 годы),

призёр Всероссийского конкурса «Многоликая Россия» (2019),

лауреат Всероссийского конкурса «Семья и будущее России» (2021),

лауреат Международного конкурса «Золотое перо Руси» (2022)

и многих других.

В журнале «Север» публикуется впервые.

